

DOI: 10.14515/monitoring.2014.5.14

УДК 338(470+571)

Г.И. Ханин
**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2010 ГОДОВ
И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2010 ГОДОВ И
ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И
ПОСЛЕДСТВИЯ

*ХАНИН Гирш Ицыкович - доктор
экономических наук, профессор
Новосибирского Государственного
технического университета. E-mail:
khaning@yandex.ru.*

Аннотация. В статье на основе альтернативных макроэкономических оценок анализируется развитие российской экономики в постсоветский период. Прогнозируется, что экономический кризис 2013-2014 г. при неизменной экономической политике будет длительным и иметь значительные социально-политические последствия. Подробно анализируется умерено-либеральный вариант изменения колеи российской истории и модернизации российского общества, его сильные и слабые стороны.

В анализе возможных вариантов выхода из сложившейся в России ситуации автор отталкивается от идей, высказанных российским макросоциологом Николаем Розовым в книге «Колея и перевал. Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке». Автор отмечает, что Н.Розов предлагает весьма изобретательный и намного более реалистичный, чем у других российских либералов, путь перехода к демократическому и модернизированному обществу, учитывающий огромный мировой опыт демократизации и модернизации, исторические особенности России и ментальности ее населения,

2010 ECONOMIC CRISIS AND ITS SOCIAL AND
POLITICAL CAUSES AND CONSEQUENCES

*KHANIN Girsh Itsykovich – PhD in Economy,
Professor, Novosibirsk State Technical
University. E-mail: khaning@yandex.ru.*

Abstract. Based on the alternative macroeconomic assessments the article considers the development of the Russian economy in the post-Soviet period. According to the author's forecast, the 2013-2014 economic crisis will be long and will have dramatic social and political consequences if economic policies remain unchanged. The moderate liberal alternative of the trace of Russian history, the modernization of the Russian society, its strong and weak points are analyzed in the article.

Searching for the possible way out of the situation the author refers to the ideas stated by the Russian macrosociologist Nikolay Rozov in his book "Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in XIX century". N. Rozov proposes an exquisite and more realistic way of transition towards democratic and modernized society based on the global practices of democratization and modernization, historic specifics of Russia and Russian mentality. At the same time, the author concludes that this alternative is hardly possible in a historical perspective.

предусматривающий стратегию и тактику такого перехода. Тем, не менее, автор приходит к выводу, что данный план в ближайшей исторической перспективе малореалистичен.

Ключевые слова: власть, макросоциология, история России, экономика современной России, реформы в России, альтернативные макроэкономические оценки российской экономики.

Keywords: power, macrosociology, Russian history, economy of modern Russia, reforms in Russia, alternative macroeconomic assessments of Russian economy.

Характеристика нынешнего периода как поворотного в послесталинской истории России стала общим местом. Но ей не хватает убедительности, поскольку она не учитывает объективную оценку состояния и перспектив экономики страны. Социологи и историки, не владея методами экономической статистики, вынуждены опираться на официальную статистику. Что касается российских экономистов, то они просто обязаны проверить обоснованность официальных оценок. Слепое следование за официальной оценкой – это очень серьезным свидетельством непрофессионализма.

Я занимался альтернативной оценкой макроэкономической статистики СССР начиная с 1973 г. Многолетние исследования позволили выявить колоссальные искажения макроэкономических данных в СССР [2]. Достаточно сказать, что национальный доход СССР за 1928-1987 г., по моим подсчетам, вырос не в 90 раз, как утверждало ЦСУ СССР, а лишь в 6,9 раза, т.е. в 13 раз меньше.

Альтернативные оценки макроэкономических показателей я вместе с моими коллегами продолжал давать и применительно к экономике РФ. При этом в связи с изменением характера экономической информации, наряду со старыми, использовались и новые методы. Расчеты позволили установить, что серьезные искажения в макроэкономической информации наблюдались и в постсоветский период. В одних областях и в отдельные периоды они могли сокращаться, в других областях и в другие периоды – росли. При этом речь часто шла уже не только о количественных отличиях от официальных данных, но о качественных. Очевидно, что российские статистические органы все еще не сбросили сталинской шинели макроэкономических фальсификаций.

По нашим расчетам за 1987-2007 г. [4], ВВП РФ до сих пор не достиг уровня 1987 г. (86%), а в сфере производства товаров отставание еще больше. Между тем, по Росстату, этот уровень превышен. Более того, если в 1990-е годы официальная динамика ВВП даже завывшала снижение ВВП, то в 2000-е произошло значительное завывшение их роста: вместо прироста за 1999-2007 г. в 82% приводится цифра 48%. Наибольшее отличие от данных Росстата обнаруживается в важнейшем для определения будущего российской экономики показателе – динамике основных фондов. Так, Росстат показывает его рост примерно на 45% за 1987-2011 годы, а наши расчеты – его падение на 35-40% (в сфере производства товаров падение еще больше), что выше, чем во время Великой Отечественной войны. Рост ВВП в 2000 годы обеспечивался лишь тем, что к началу 1990-х годов имелись огромные резервы производственных мощностей и незанятой рабочей силы. Благодаря наличию огромных резервов производственных мощностей в советский период и изменению структуры экономики в пользу малофондоемких отраслей сферы услуг, особенно в 2000-е годы, фондоемкость ВВП значительно снизилась. Вместе с тем производительность труда в

экономике еще не достигла уровня 1987 г., что объясняется ухудшением качества трудовых ресурсов. Это компенсировалось привлечением в экономику огромного количества гастарбайтеров. Помогла и исключительно благоприятная внешняя конъюнктура (она в любой момент может измениться). Все эти временные факторы экономического роста иссякли к 2008 г. Отсюда - сначала застой 2008-2012 г., а затем и начало кризиса в 2013 г., когда ВВП снизился на 2-3 % вместо объявленного Росстатом роста на 1,3%. Падение продолжилось примерно в том же размере и в первые месяцы 2014 г. С точки зрения динамики экономических показателей нынешний период очень напоминает начало и конец 1980-х годов - канун перестройки и крушения СССР, - он хуже, чем в конце 1920-х годов, накануне перехода к командной экономике. Это и определяет поворотный пункт нынешнего этапа российской истории.

Есть все основания полагать, что при настоящей социально-экономической системе кризис растянется на долгие годы. По оценкам программы международных сопоставлений ВВП ООН, норма накопления основных фондов в ВВП составляет лишь 12%, и по нашим расчетам, объем основных фондов уменьшается на 1% в год. В то же время ожидается значительное сокращение трудовых ресурсов, которое не компенсируется улучшением качества трудовых ресурсов или ростом фондовооруженности. Напротив, в постсоветский период их качество снижается в связи со значительным ухудшением качества обучения в средней школе, средней профессиональной и высшей школе. К тому же крайне низкий профессиональный уровень у Гастарбайтеров. Всем известно такое печальное явление, как утечка мозгов. Дело при этом не столько в общем количестве покинувших страну ученых, сколько в их качественном составе. Достаточно сказать, что в России проживает один (Жорес Альферов) лауреат Нобелевской Премии, а из восьми лауреатов приравняемой к ней премии Филдса по математике - тоже только один (Григорий Перельман).

Сложившаяся в постсоветский период экономическая система носит застойный характер. Крупный капитал, за редкими исключениями, малоинициативен и своекорыстен в ущерб развитию производства. Он образовался преимущественно в результате грабительской приватизации. Средний капитал несколько эффективнее вследствие лучшего происхождения, но сосредоточен преимущественно в сфере наиболее рентабельных услуг. Мелкий капитал малочисленен и маломощен. Государственная собственность плохо контролируется и управляется часто малокомпетентными людьми оказавшимися там в результате приятельских отношений с представителями высших сфер управления и использующими эту собственность в целях личного обогащения.

Смелую попытку обрисовать выход из сложившейся в России ситуации предпринял выдающийся, по моему мнению, российский макросоциолог Николай Розов. Отталкиваясь от его книги «Колея и перевал. Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке» [1] я рассмотрю, насколько реально то, что он предлагает.

Автор подробно анализирует особенности русской системы власти, сохраняющейся в главных чертах веками, несмотря на отдельные изменения. И выдвигает оригинальный план выхода из этой губительной для России колеи русской истории. Оригинальна в этой книге не цель, а средства ее достижения.

Предпосылка стратегии подъема на перевал (из колеи циклов - к новой логике исторического развития) состоит в том, что это «будет долгий ступенчатый процесс» [1, с. 408]. Автор цитирует мнение Ю.Левады, что процесс займет не менее 40-50 лет, и исследует все развилки и сложности на выделенных им трех этапах постепенной демократизации, показывая условия, а нередко и методы преодоления возникающих на каждом этапе

сложностей и возможностей попятного движения. Отмечу некоторые из высказанных Розовым соображений. Вызывает сомнение утверждение, что в начале 1990-х годов реформаторские силы сами проводили трансформационные реформы [1, с. 412]. Они это делали в союзе и даже преобладании во власти прежней номенклатуры, о чем, кстати, говорится в других местах книги.

Розов тщательно анализирует состав политических сил и идеологических течений современной России с тем, чтобы выявить возможности создания коалиции сил демократизации. Он приходит к пессимистическому выводу [1, с. 432], хотя и не исключает такой шанс. Заслуживает поддержки редчайшее в устах российского либерала утверждение : « первое, что должно заботить членов коалиции при мирной полиархии - это новые структуры ответственности (политической, административной, экономической, финансовой, правовой, моральной), которые должны “подхватить” социальное целое при демонтаже прежних авторитарных и коррупционных структур» [1, с. 439]. Слово «ответственность», особенно применительно к себе, редко звучит у российских либералов, которые удивляются, почему вновь и вновь терпят поражение.

В отличие от традиционных российских либералов, Розов положительно относится к национальной идее. Это не удивительно, если вспомнить о значении, которое он придает эмоциональной энергии (здесь он следует за арабским философом VII века Ибн-Халдуном) . С национальной идеей он связывает новую трактовку «величия России» как высокий геоэкономический и геокультурный престиж [1, с. 456]. Вопрос заключается в способах где достижения, институциональных и человеческих предпосылках, во взаимосвязи текущих и долгосрочных факторов престижа, которые могут влиять на движение в разных направлениях. Отмечу , что достижение подобного престижа требует огромных средств, которые надо взять у населения или, как минимум, у его части. Этот вопрос автор обходит, возможно, из-за недостатка экономических знаний.

В книге подробно рассматриваются такие необычные (или, лучше сказать, мало пока распространенные) в России, но необходимые для реализации постепенного демократического перехода, практики политического поведения, как приоритет отчуждения насилия, политического компромисса, оппортунистического поведения, преодоления самодержавного комплекса. Розов не только провозглашает эти принципы, но и показывает, как их претворить в жизнь [1, с. 467-473]. При всей их очевидности для демократического общества они плохо приживаются в российском социуме, хотя прогресс по сравнению с советским периодом здесь очевиден.

Размышляя об институциональных предпосылках демократического перехода, автор, к сожалению, вскользь упоминает о селекторате, фактор которого обсуждался в предыдущей части книги [1, с. 372]. Селекторат понимается им как теневая группа, не реализующая административную власть в государстве, но определяющая, кто во власти находится [1, с. 372].

Ленин и Сталин безуспешно пытались создать интеллектуальную элиту коммунизма, открывая привилегированные высшие партийные школы с привлечением для преподавания лучших сил. Но в удушающей атмосфере репрессий и преследования инакомыслящих из этого мало что могло получиться. Вместо элиты образовались клики. Не было условий для формирования полноценной элиты и у демократической оппозиции в СССР.

Над проблемой формирования в России эффективного правящего слоя много размышляют и современные российские идеологи авторитаризма. Назову очень популярную сейчас среди них идею современной опричнины (Михаил Юрьев, Андрей Фурсов) или

размышления Максима Калашникова и Сергея Кугушева над значением тайных организаций в формировании западного общества. А кому не известна роль университетов Лиги плюща или Токийского университета, Кембриджа и Оксфорда в формировании современных эффективных государственных и общественных структур США, Великобритании и Японии?

Общей чертой предлагаемой дорожной карты является смещение центра тяжести борьбы с кавалерийской атаки на «русскую власть» на ее медленную осаду и постепенное преобразование.

Насколько я понял, Розов видит причину поражения демократических сил в России не только в проигрыше номенклатуре, но и в том, что они не сумели показать населению свою полезность и вовлечь его в демократический процесс. Дорожная карта «Колеи и перевала» как раз и направлена на устранение этих недостатков предыдущего этапа. Демократический процесс должен пойти как кристаллизация новых привлекательных центров авторитета и силы, что включает не только переориентацию части элиты, организационные усилия этих центров, но и движение снизу вверх. А не только сверху вниз, как было до сих пор. Такая последовательность позволит выдвинуть достойных, завоевавших авторитет у местных жителей лидеров. Нынешние так называемые демократические партии могут остаться от этого процесса в стороне. С новым поколением политиков возникнут и новые организационные структуры.

Предлагается начать с образования малых инициативных групп. В них должны войти прежде всего «реформаторы» из гнезда «недовольных», которые «устали только говорить и готовы что-то делать» [1, с. 496], а также честные «службисты», в число которых автор включает не только активных деятелей из различных профессиональных групп, но и служащих из органов государственного управления, обороны и охраны правопорядка [1, с. 496]. Следующий этап - «естественно-искусственный». «Все начинается с того, что “естественно” появляются инициативные группы (кружки), они регулярно собираются вместе, задумывают свои будущие стратегии, программы деятельности, они же “искусственно” формируют пункты встречи, каналы коммуникации, организационные основы, переговорные площадки для облегчения формирования новых групп, для связи с ними и их поддержки» [1, с. 497]. Различие начинается с определения целей. Они теперь включают защиту личности, прав, свобод и собственности, профилактику насилия, особенно в столкновениях между силами правопорядка и протестными выступлениями [1, с. 498]. Иными словами, в центр внимания помещается защита либеральных и демократических ценностей, нарушаемых на местном уровне. Но сюда добавляется «институциональное решение локальных и частных проблем» (с. 499). Это важное уточнение, расширяющее, пусть и в «перспективе», круг решаемых задач, не ограниченных только «малыми делами». Однако на начальном этапе предлагается сосредоточиться на «деполитизированном обсуждении» местных социальных сложностей, вопросов экономического развития, улучшении условий для бизнеса и инноваций, на проработке проектов институциональных реформ и т.д. [1, с. 501]. Такая последовательность представляется совершенно правильной, если иметь в виду настроения населения, озабоченного прежде всего социальными и экономическими проблемами; именно через их решение можно и нужно завоевывать доверие граждан. В этой связи «проработка институциональных реформ» выглядит излишней и преждевременной. Автор и сам полагает, что «новые ритуалы эффективны только тогда, когда выстраиваются вокруг общественной деятельности, приносящей зримую пользу рядовым участникам» [1, с. 502].

Розов задается важным вопросом, почему люди будут тратить время на такие встречи? Его ответ: «главной наградой является престиж участия в общественно полезном деле,

престиж общения со значимыми, известными фигурами, наконец, общественный резонанс – «паблисити». Он исходит из того, что «надеяться только на подвижнические мотивы было бы наивным прекраснотушием» [1, с. 500].

Оценивая свой план в контексте преодоления «перевала», автор пишет, что «до наступления острого политического кризиса, чреватого эскалацией насилия... силы перевала должны продвинуться в данных направлениях (консолидация инициативных групп, выработка стратегий и успешные ритуалы с вовлечением новых участников, формирование переговорных площадок, сети консолидации и т.д.)» [1, с. 503]. В рамках данного этапа предполагается расширение круга честного бизнеса, что «означает формирование новой идентичности, новых символов» [1, с. 506]. Этот этап, по мнению Розова, способен повернуть контур социального капитала от деградации к развитию [1, с. 503-505], что будет реальным достижением для общества, а не только средством консолидации реформаторских сил. Автор надеется, что на следующем этапе, благодаря институциональным реформам и переделу ресурсных потоков из центра на места, удастся преодолеть системную коррупцию и обновить государственную службу новым поколением честных и компетентных чиновников [1, с. 508-510].

Констатируя господство апатии и цинизма в современной России, Н.С.Розов видит в предлагаемых им мерах, помимо прямого эффекта, способ повышения эмоциональной энергии граждан, которую он справедливо считает важнейшим фактором успешного развития общества [1, с. 518-520]. Успехи демократических реформ и модернизации постепенно позволяют заменить высшие ценности и символы: вместо традиционных для российского населения («царь», «порядок», «сильная рука») либеральные, основанные на правах и свободах личности, собственности, уважении к таланту, образованности и т.д. [1, с. 522]. Смена высших ценностей и символов, соответствующих идентичностей, повседневных практик и стратегий успеха в условиях институциональной трансформации – все это в комплексе и будет означать, что перевал пройден. Такая задача многократно ставилась либеральными идеологами в перестройку и в постсоветский период. Но, помимо прочности традиционных ценностей, распространению новых провозглашаемых символов мешал вопиющий разрыв между ними и повседневной действительностью, что дискредитировало либеральные ценности. Предлагаемая в книге «дорожная карта» призвана преодолеть этот разрыв, даже если это займет целую эпоху.

Розов полностью отдает себе отчет в том, что преодолеть перевал только через внутренние общественно-политические процессы не удастся. Данный вывод опирается на трезвый учет реальных сил России, а также на особенности современного глобализованного мира. Этим определяется большая роль, которая отводится в книге геоэкономике и геополитике [1, гл. 18-21].

Автор исходит из того, что главной тенденцией современного мира является преобладание в нем (неолиберальной, мондиалистской) Мегатенденции I, которую олицетворяют развитые модернизированные – капиталистические и демократические – страны. Отчасти в оппозиции, отчасти в союзе с ней выступает альтерглобалистская, гуманистическая, эгалитаристская Мегатенденция III. Для России встроиться в русло этой широкой коалиции означает приобщиться к так необходимым ей демократии, принципам правового общества и модернизации. Поэтому союз с Западом – это вопрос не только обретения необходимых России ценностей, но и трезвого расчета. Автор отвергает взгляды сторонников «особого пути» России, он представляются ему тупиковыми. Вместе с тем,

очевидно, следует ответить на вопрос: почему следование Россией этому курсу в постсоветский период не привело ее ни к процветанию, ни к подлинной демократии.

Розов не закрывает глаза на негативные тенденции развития капиталистических стран, особенно сильно проявившиеся в ходе финансового кризиса 2008-2009-х годов, и достаточно квалифицированно для неэкономиста анализирует их. Предлагаемые им методы устранения негативных явлений - весьма оригинальны [1, с. 531-538], и заслуживают внимания.

Начиная обсуждение вопроса о неудаче России в постсоветский период поднять свой миросистемный статус (фактически он значительно снизился), автор прежде всего отвергает «параноидальные идеи» Проханова, Кургиняна, М.Леонтьева о том, что «враждебные силы (Запад) намерено выталкивают Россию, пытаются ее ослабить и проч.» [1, с. 550]. Эта проблема заслуживает, по моему мнению, более взвешенного анализа. Защитники идеи враждебности Запада - весьма талантливые и авторитетные люди, не заслуживающие столь пренебрежительной оценки. Даже видные западные либеральные экономисты (Сакс, Ослунд) признают, что в самый трудный первый постсоветский период западные страны оказали недостаточную экономическую помощь России (в отличие от стран Центральной Европы), но, добавлю, охотно принимали бегущие из страны капиталы и талантливых людей, мирились с прогнившим и насквозь коррумпированным ельцинским режимом. Избавиться от сильного конкурента - вполне в духе лидеров рыночной экономики. Хотя часто такая политика бывает недальновидной даже для победителей.

Верно и то, что сама Россия, на чем настаивает автор «Колени и перевала», упустила многие возможности. Он подчеркивает, что «повышение миросистемного статуса даже в рамках полупериферии, не говоря уже о прорыве в ядро, может быть только результатом сочетания эффективной геоэкономической стратегии, адекватной состоянию мировых рынков, прочного альянса, консенсуса государства и бизнеса, конкурентоспособности производимой продукции, весьма напряженного труда большей части населения, которое нужно еще для этого мотивировать. Ничего этого в России нет и в помине» [1, с. 550]. Здесь речь идет преимущественно о геоэкономической стратегии. Примечательно, однако, что в качестве первой российской предпосылки миросистемного роста Розов считает необходимость учитывать такую черту российского менталитета, как служение во имя высших целей. «...только те геоэкономические принципы будут приняты и успешны в России, в которых будут фигурировать некие высшие ценности, достойные служения. “Величие России”, понятое как высокий геоэкономический и геокультурный престиж, входит в число этих ценностей, но отнюдь не исчерпывает ее. В российском менталитете достойно не только “величие”, но и «правда» - высшее нравственное начало» [1, с. 552].

При взаимодействии с партнерами в рамках Мегатенденций I и III автор настаивает на принципах справедливости и партнерства, коалиций с автономией участников, учета чужих интересов и привлечения качеством, демонополизации геоэкономической сферы [1, с. 553]. Именно этих принципов не хватало России и миру в 1990-е годы, в немалой степени потому, что не хватало геоэкономического и геокультурного престижа и влияния. За эти принципы надо бороться.

Среди условий повышения миросистемного статуса применительно к современной России Розов называет и способность мобилизовать (нелюбимое либералами слово) ресурсы, но не в прежних, изживших себя формах, а с помощью сочетания стимулов социального престижа, экономического вознаграждения и традиций служения [1, с. 557].

При всей приверженности автора идеям геоэкономического и геокультурного престижа России он не видит в нынешнем раскладе мировых сил и в реальном положении

страны другого выхода на ближайшие десятилетия, как искать миросистемного патрона. «Перепрыгнуть» из периферии в ядро мировой экономики никому никогда не удавалось, и нам не удастся. Значит, перспектива на ближайшие десятилетия (как минимум) – поиск ниши и укрепление России в срединном статусе «полупериферии» [1, с. 559]. Может показаться, что здесь автор хватил за край. Периферией наша страны все-таки не была. Но по мне, лучше даже несколько сгустить краски, чем лакировать действительность, тем более, что России легко скатиться на позицию мировой периферии при неблагоприятных внешних и внутренних условиях.

В качестве предпочтительного миросистемного патрона для России автор видит Объединенную Европу. В ней он усматривает противовес уже начавшемуся давлению на Дальний Восток и Сибирь со стороны Китая, Японии и США [1, с. 559]. Можно было бы привести и другие доводы в пользу выбора именно этого патрона, раз без патрона не обойтись. Они хорошо известны, не стану повторять. Наибольшие опасения у автора вызывает сложность убеждения Европы стать патроном России, поскольку это связано с немалыми издержками. Аргументом для Европы может, по мнению Розова, стать необходимость освобождения от «тяжелых» производств, для чего Россия в силу относительной географической близости способна оказаться предпочтительней других вариантов [1, с. 559-560]. Можно найти и дополнительные аргументы для Европы в пользу патронажа России, не менее важные, например, безусловное усиление геополитических и геоэкономических позиций ЕС в конкуренции с США и Китаем. Еще Де Голль мечтал о Европе от Лиссабона до Урала. Розов видит огромные трудности на этом пути прежде всего в слабости нынешней Европы, которую он справедливо называет рыхлой, слабо управляемой и вовсе не единой [1, с. 558]. Видя колоссальные трудности, которые испытывает ЕС со своими южными и восточными членами, можно усомниться в его готовности взвалить на себя еще бремя патрона колоссальной России. Так что надо быть готовым к поискам другого патрона, например, Китая. Конечно, автор «Колеи и перевала» от такого патрона откажется, поскольку он уж точно не поведет Россию по намеченному пути из колеи циклов.

В качестве клиентов России он рассматривает ее слабо развитые собственные периферии-провинции, особенно Сибирь и Дальний Восток, а также страны СНГ.

Большое внимание уделяется в книге обоснованию разнообразных возможностей центрального географического положения России по отношению к соседям. Автор обсуждает многочисленные проекты прокладки по территории России трансконтинентальных транспортных коридоров [1, с. 574]. Эта идея многократно высказывалась в постсоветский период. Ее уязвимым местом я считаю относительную дороговизну сухопутного транспорта по сравнению с морским. Возможно, какие-то новые технологии (например, струнный транспорт) позволят когда-то преодолеть этот недостаток.

Розов далек от весьма распространенного среди его единомышленников благодушного отношения к геополитическим угрозам России, рассматриваемым ими лишь как пропагандистское обеспечение растущих военных расходов для убажания «силовики». В этой части работы [1, гл. 20-21] наибольшее впечатление на меня произвел анализ угроз со стороны Китая. Автор убедительно (на мой, возможно, мало просвещенный в этой области взгляд) анализирует военную стратегию Китая и показывает, что она имеет цель создать предпосылки для геополитической экспансии в богатые ресурсами и малонаселенные регионы российского востока [1, с. 578]. В этой связи мне вспоминается, что кумир нынешних китайских коммунистов Дэн Сяо Пин вслед за Мао Цзэ Дуном подтвердил в беседе с Михаилом Горбачевым в 1989 г. претензии Китая на огромные территории Восточной

Сибири и Дальнего Востока. Самостоятельно отбить эти угрозы Россия вряд ли сможет, и ей останется либо мирно капитулировать, либо искать патронажа Запада, который не заинтересован в чрезмерном усилении Китая.

Значительный интерес представляют пять обширных приложений к основному тексту книги. В первом приложении, красноречиво названном «Апрельские тезисы 2.0», теоретические положения конкретизируются в практическом ключе политической стратегии. Здесь обращает на себя внимание обоснование перехода от (фактически) суперпрезидентской к парламентско-президентской системе правления и финансовой децентрализации.

Второе приложение представляет собой «Памятку гражданскому и политическому активисту», в которой содержится практическая инструкция активистам по последовательному развертыванию общественной и политической работы. Такая инструкция - редчайший случай в философской работе. В обоих приложениях отчетливо видно влияние В.И. Ленина, хотя автор и выразил недвусмысленно крайне негативную оценку его политических и моральных позиций.

Поделюсь теперь своими концептуальными возражениями и сомнениями в отношении содержания книги.

Розов, как и другие цитируемые им либеральные критики русской власти, избегают анализировать причины ее возникновения. Гораздо более убедительны западные либеральные историки, которые ищут объективные причины такой власти. Сомнения в возможностях «иной власти» в России усиливаются благодаря тому, что ее альтернативы в виде Новгородского и Литовского княжества оказывались менее жизнеспособными, чем Московское государство.

Обращаясь к истории СССР, отмечу печальную закономерность отказа от нэпа и перехода к командной экономике и мобилизационному обществу. Либеральный нэп оказался не в состоянии решить проблемы модернизации советской экономики. В сущности, СССР конца 1920-х годов в военном, образовательном и экономическом отношении был конченой страной. Вырваться из этого состояния, не становясь колонией или полукolonией, можно было лишь ценой колоссальных усилий и огромных жертв, что и было сделано в 1930-1940-е годы. В почти аналогичном положении, с учетом новой мировой обстановки, находится и современная Россия. Здесь тоже требуются колоссальные ресурсы для модернизации российской экономики [3]. Как их извлечь из населения, опираясь на его добровольное согласие, требуемое в демократическом обществе, учитывая, что речь идет о сокращении личного потребления в 2 раза?

Колоссальные сложности создают для политического и экономического развития России нахождение 60% ее территории, где размещаются многие богатые природные ресурсы, за Полярным кругом с экстремальными климатическими условиями, наличие около 150 наций и национальностей, нескольких мировых религий. С трудом представляю себе возможность удержать такую территорию без очень сильной власти.

Трудно возражать против желания сойти со старой колеи русской власти, принесшей много горя российским народам. Такие попытки делались неоднократно и все они, как правильно пишет Розов, заканчивались неудачей. Последний раз в перестройку и в постсоветский период. В немалой степени это происходило из-за поверхностной стратегии и тактики реформ. Предложенный Розовым план намного более реалистичен и продуман, чем предыдущие. Им сделаны выводы из неудачи предыдущих попыток. К сожалению, как мне представляется, этот план запоздал для реализации. Так уже не раз бывало в истории России.

Для более или менее успешного перехода к демократии требуются определенные предпосылки. Помимо уже набившей оскомину (но справедливой) роли среднего класса, для демократизации требуется согласие большинства населения с демократической властью. Этого можно добиться, если она обеспечивает повышение уровня жизни большей части населения, как минимум, его сохранение. Такое было возможно в период перестройки на основе сокращения огромных военных расходов, излишних капитальных вложений, субсидий убыточным отраслям, размеров экономической помощи другим странам. Этот шанс был бездарно упущен. Теперь его нет. Напротив, для обеспечения даже скромного экономического роста требуется колоссальное сокращение личного потребления.

Представьте себе президентские и парламентские выборы, где либеральный претендент или партия обещают сократить доходы основной части населения на 20-30% на долгие десять лет. Много они соберут голосов? Не придется ли переходить к демократии, предварительно пройдя путь жесткого авторитаризма до выхода на магистраль устойчивого экономического роста, в общем, по старой колее? Розов считает этот путь тупиковым и даже безнадежным. Но он в нынешних условиях, к сожалению, выглядит безальтернативным.

Осуждая чрезмерное расслоение населения, автор рассматривает его как причину кризисов многих предыдущих цивилизаций и режимов, в том числе в истории России. Можно было ожидать, что в его «дорожной карте» эта ключевая проблема найдет значительное место. Однако, к сожалению, в книге она не получила отражения.

Рискуя прослыть ретроградом, отмечу, что в книге мне не хватает тщательного анализа социальной структуры современного российского общества. Такой анализ был сильной стороной марксистских социальных исследований. Какую долю отдельные классы и социальные слои занимают в производстве ВВП, общественном богатстве, доходах населения, какова их эффективность и жизнеспособность? Приведу в качестве примера вопрос о российской буржуазии. Автор к ней относится в целом положительно, видит в частной собственности основу цивилизованного общества. Вместе с тем он дает и довольно скептические оценки потенциала современной российской буржуазии, которые достаточно обоснованы. Возможно, это объясняется молодостью буржуазного класса, препятствиями со стороны бюрократии. Данный вопрос заслуживает более тщательного рассмотрения.

Советский период рассматривается в книге как один из тупиковых периодов российской истории, исчерпавший себя. Объективная обусловленность предыдущим развитием рассматривается преимущественно как продолжение российской «колеи» циклов. Но можно ли отрицать, что в этот период впервые за всю российскую историю, пусть и очень дорогой ценой, удалось в кратчайший срок осуществить технологическую, образовательную и бытовую модернизацию, превратить Россию в одну из двух сверхдержав мира? Колоссальная цена является во многом платой за предыдущее многовековое отставание. В этом вопросе есть и еще один очень важный аспект. Можно ли, в принципе, выскочить из советской цивилизации? Впервые этот вопрос среди противников коммунизма (сторонники давно говорили, что социализм в СССР победил полностью и окончательно) поставил еще в 1990 г. Лех Валенса. Тогда, напомним, говоря о переходе от социализма к капитализму, он сравнил ее с попыткой их ухи сделать аквариум.

Розов предлагает весьма изобретательный и намного более реалистичный, чем у других российских либералов, путь перехода к демократическому и модернизированному обществу. Его план учитывает не только огромный мировой опыт демократизации и модернизации, но и исторические особенности России и ментальности ее населения. Он говорит не только о стратегии, но и тактике этого перехода. При всей содержательности и

изобретательности такого плана он, на мой взгляд, в ближайшей исторической перспективе малореалистичен.

Говорит ли это об обреченности России? Не обязательно. Может неожиданно появится гений, который укажет новый путь. Впрочем, политики будут, как и до сих пор, действовать больше из соображений текущей политической целесообразности и конъюнктуры. Иногда им может улыбнуться и удача. Пусть не надолго.

Литература

- 1 Розов Н. С. Колея и перевал : макросоциолог. основания стратегий России в XXI веке М. : РОСПЭН, 2001.
- 2 Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск : Наука, 1991.
- 3 Ханин Г. И., Фомин Д. А. Деньги для модернизации: сколько их нужно и где их взять // Свободная мысль. 2011. № 1.
- 4 Ханин Г. И., Фомин Д. А. Экономические реформы в России : макроэконом. анализ // ЭКО. 2008 № 5.